

Наваждение. Книга 1. Наваждение и благородство

Автор:

[Мария Геррер](#)

Наваждение. Книга 1. Наваждение и благородство

Мария Геррер

Наваждение #1

«Наваждение и благородство» – фантастический роман Марии Геррер, жанр историческое фэнтези, приключенческое фэнтези.

Юная девушка из благородной, но обедневшей семьи вынуждена работать гувернанткой. Екатерина Несвицкая мечтала поступить в университет, но ее планы были дерзко нарушены молодым и холодным аристократом бароном фон Бергом. Невинная сделка между ними привела к роковым последствиям. Теперь удел Екатерины – уничтожение злобных тварей под руководством опытного наставника. Им предстоит научиться доверять друг другу – ведь они слишком разные.

Смогут ли наставник и ученица преодолеть взаимное недоверие и неприязнь и справиться с таинственным злом?

Мария Геррер

Наваждение. Книга 1. Наваждение и благородство

© Геррер Мария

Глава 1

Неверный свет полной луны заливал развалины старой мельницы. Высокий молодой мужчина стоял, устало прислонившись к кирпичной стене. В его руке поблескивал нож, и черная кровь медленно стекала с лезвия на землю. У ног мужчины лежали два убитых крупных зверя, похожих на волка. Туша третьего валялась чуть поодаль.

Мужчина провел рукой по лицу и заметил на ладони кровь.

– Все-таки задела, ведьма, – зло прошептал он.

Его светлые длинные волосы спутались и прилипли ко лбу. Мужчина нетерпеливо откинул их назад, затем сделал над собой усилие, наклонился к чудовищам и срезал у каждого по клочку шерсти с загривка. Завернул их в платок и убрал в нагрудный карман темного сюртука, на котором пятна крови были почти не видны. Потом покинул развалины и спустился к ручью. Умылся и присел на мостки, глядя в темноту. Сегодня он страшно устал и едва не погиб. Но охота прошла удачно.

Вдали блестели огни Златогорска. Пора возвращаться. Мужчина поежился и направился к автомобилю, стоящему на вершине небольшого пригорка. Днем снова будет ужасная жара. Лето 1915 года выдалось на редкость странным – знойные дни и очень холодные ночи.

Молодой человек сел за руль и снова взглянул на город, размышляя, куда поехать. Надо снять напряжение, отвлечься. Можно навестить Полину, но она будет задавать неуместные вопросы о его внешнем виде. Графиня слишком любопытна. Нет, сейчас ему это не надо. Он хочет просто отдохнуть. Тогда выбор очевиден – заведение мадам Лулу и ее девочки. Там царит веселье, вино льется рекой, и никто ни о чем не спрашивает.

Утробно заурчал двигатель, открытый автомобиль покати́л вниз и вскоре вырвали́ на дорогу. Справа и слева от нее мелькали пологие холмы, заросшие густым лесом. Ближе к городу их сменили фруктовые сады, и вот уже колеса зашуршали по брусчатке Златогорска. Редкие газовые фонари освещали пустые улицы, кидая длинные зловещие тени на фасады спящих домов рабочего предместья.

Свое название провинциальный Златогорск получил вовсе не потому, что в его окрестностях добывали золото – того там просто не могло быть. Существовала старинная легенда о жестокой шайке лихих людишек, которая давным-давно хозяйничала в этих местах. Удачливые разбойники награбили несметные сокровища и спрятали их у подножия одной из гор, окружавших город.

Златогорцы многие годы пытались найти эти богатства – кто с помощью лопаты, кто с помощью древних заговоров, – но безуспешно. Со временем традиция искать приметы спрятанного клада в день летнего солнцестояния превратилась в местный праздник.

Вскоре автомобиль въехал в фешенебельный центр разросшегося города. Вместо газового освещения появилось электрическое. В этом районе жизнь продолжала бурлить даже ночью. За богато накрытыми столиками модных ресторанов праздно проводили время нувориши. Музыка в увеселительных заведениях не смолкала до рассвета.

Всего несколько десятилетий назад это был тихий провинциальный городок, похожий на сотни других, разбросанных по обширной Империи. Однако и сюда добралась промышленная революция.

Златогорск начал бурно развиваться. На его окраинах построили многочисленные заводы и фабрики, проложили железную дорогу с удобным и современным вокзалом, возвели небольшую электростанцию. Рядом со старенькой пассажирской пристанью вырос грузовой порт, где постоянно загружали и разгружали баржи с лесом, песком, строительными материалами и разнообразными заграничными товарами. Телефонная станция своим оборудованием не уступала столичным.

Теперь жизнь в Златогорске била ключом. Город разрастался быстро и хаотично. Старые деревянные усадьбы с высокими заборами и маленькими фруктовыми

садиками соседствовали с доходными домами в три, пять, а то и больше этажей, оснащенными электричеством, водопроводом, телефоном и даже лифтом. Шикарные магазины, рестораны и кофейни манили огромными стеклянными витринами. А рядом ютились лавочки и трактиры, которые стояли здесь с незапамятных времен.

Молодой человек остановил свой роскошный автомобиль у двухэтажного здания, украшенного майоликой с алыми маками. Вышел из машины и нетерпеливо потянул ручку звонка. Через мгновение тяжелые двери распахнулись, и сладкий запах розы и жасмина обдал посетителя. Он улыбнулся и переступил порог сомнительного, но очень дорогого заведения.

* * *

Высокий фамильный дом барона фон Берга стоял на крутом берегу широкой реки, и закатное солнце заливало его золотистым светом. Тишина и покой, казалось, витали в воздухе.

На востоке, в отдалении от поместья, за уже вечерним сизым маревом, подобно далекому миражу, дымил трубами один из многочисленных, разбросанных по всей стране заводов. Это было первое и любимое детище старого барона, так как именно с него началась оружейная империя семьи фон Бергов.

Хотя барон был уже не молод, он лично контролировал работу предприятий и зорко следил за процветанием своего дела. Фон Берг был очень недоверчив во всему, что касалось его промышленной империи. Только недавно он начал привлекать к делам управления своего старшего сына и наследника.

На террасе родового гнезда фон Бергов в широком плетеном кресле расположилась хрупкая, немного бледная девушка лет восемнадцати. Она читала книгу и время от времени поглядывала на мальчугана, сидевшего на полу на ярком восточном ковре и игравшего в оловянных солдатиков. Темные волосы девушки были гладко зачесаны и собраны на затылке. Одета она была неброско, но со вкусом – скромное шелковое платье цвета кофе с молоком с большим белым кружевным воротником и манжетами подчеркивало ее изящную и гибкую фигуру.

Девушку звали Екатерина Несвицкая. Последняя представительница древнего и славного, но обедневшего дворянского рода год как окончила Институт благородных девиц. Несколько лет назад она осталась круглой сиротой. Свою мать Екатерина не помнила, та умерла, когда девочке было три года. Отец девушки разорился после неудачного вложения капиталов в сомнительную компанию, и родовое имение пришлось продать.

Чтобы содержать дочь и дать соответствующее ее положению образование, Несвицкий был вынужден работать управляющим у барона Александра Львовича фон Берга. За свой усердный многолетний труд отец Екатерины заслужил уважение промышленника и удостоился его искренней дружбы. И когда друг скоропостижно скончался от воспаления легких, барон стал опекуном сиротки.

Старому барону было шестьдесят пять лет. Этот крупный, высокий, еще крепкий мужчина с густой седой шевелюрой и пышными усами производил впечатление спокойного и благодушного дворянина. В семье и с друзьями барон был сердечен, но дела вел жестко и с конкурентами обходился безжалостно.

Кроме того, он был благотворителем и много сделал для города и его жителей. Его стараниями был открыт приют для сирот, построен поселок для рабочих завода со школой и больницей.

К Екатерине барон относился по-доброму, хотя и соблюдал приличествующую его положению дистанцию. По вечерам он любил играть с подопечной в шахматы или слушать, как она музицирует на рояле в гостиной. Александр Львович ценил и уважал девушку за ее доброту и независимый нрав.

Фон Берг оплатил пребывание Екатерины в Институте, а после его окончания пригласил поработать гувернанткой младшего сына. Правда, всего на год, до поступления мальчика в закрытую гимназию, где он будет проживать в течение всей учебы.

Год истекал в конце лета. И хотя барон обещал Екатерине дать отличные рекомендательные письма и помочь найти достойное место, она понимала, что рассчитывать следует только на себя.

Она недавно вступила в совершеннолетний возраст и могла сама решать свою судьбу. Барон любезно предложил помощь в поиске подходящего жениха с

приглашением свахи, но девушка благоразумно отказалась.

Незавидное приданое Екатерины вряд ли могло заинтересовать приличествующих ее статусу претендентов, способных составить ей партию. Девушка осознавала, что ей в лучшем случае «посчастливится» выйти замуж за сына купца средней руки или за какого-нибудь мелкого чиновника и посвятить свою жизнь нелюбимому скучному мужу, нарожать детей, следить за хозяйством, ругаться с кухаркой, варить варенье и погрязнуть в быту. Этого ей совсем не хотелось.

Либо надо собрать волю в кулак и добиться того, о чем всегда мечтала. А мечтала Екатерина жить не только для себя, но и приносить реальную пользу. И это были не просто романтические фантазии юной впечатлительной барышни.

Екатерине нравилась химия и ботаника, она увлекалась травами и намеревалась стать лекарем или провизором в аптеке. Для этого ей надо было поступить на женские курсы при Медицинском Университете. А это требовало денег, и не малых.

Для начала Екатерина решила продать часть драгоценностей, которые составляли ее небольшое приданое. Кроме того, ей удалось за год работы гувернанткой накопить некоторую сумму. Это позволило бы ей первое время снимать жилье и оплачивать обучение.

Девушка собиралась много работать и усердно учиться. Теперь она готовилась к вступительным экзаменам.

Екатерина отложила книгу и подошла к балюстраде террасы. Жара еще не спала. Долгий летний день клонился к закату. Девушка смотрела на раскинувшийся перед ней пейзаж. За рекой простирались бескрайние дали. Вдоль берега паровоз, пытая, тяжело тянул груженные вагоны с завода барона в сторону грузового порта, расположенного недалеко от города.

Екатерина увидела, как по дороге, ведущей от завода к поместью, мчится серебристый открытый автомобиль, ярко блестя в лучах заходящего солнца хромированной решеткой радиатора.

Это ехал старший сын барона – Генрих. Екатерина слегка удивилась: сегодня была пятница, а Генрих приезжал в имение, как правило, по воскресеньям. Пятницу и субботу он проводил в театрах, ресторанах и клубах, как и положено богатому и независимому аристократу. Молодой барон жил в своей роскошной квартире в центре города, но с отцом виделся почти каждый день в заводууправлении.

«Возможно, что-то случилось, – машинально подумала девушка, – Ну да что мне до этого».

Она и представить не могла, что этот визит радикально изменит ее размеренную жизнь и последствия его будут самыми непредсказуемыми. И для нее, и для молодого барона.

Через несколько минут автомобиль резко затормозил на подъездной площадке перед парадным крыльцом. Под колесами громко зашуршал гравий.

Из машины вышел высокий молодой человек лет двадцати семи. Небрежно сняв кожаные автомобильные перчатки, он бросил их на сидение. Длинные светлые волосы упали мужчине на лицо. Он нетерпеливо откинул их назад и уверенной походкой поспешил в дом.

Аристократ до мозга костей, наследник фон Берга слыл светским львом и повесой. Эгоист и сноб, как говорили о нем, молодой барон был красив и сложен, подобно античному богу. Получив блестящее образование, он мог поддерживать любую беседу и вызывал у женщин различных возрастов и сословий учащенное сердцебиение.

Генрих умел очаровывать и при этом казался холодным, как лед. Вольно или невольно, но он разбил немало женских сердец.

Будучи завидным женихом, наследник огромного состояния не спешил связать себя узами Гименея. Предпочитал сохранять свободу и наслаждаться ее дарами. При этом успевал работать в заводской конторе, прекрасно справляясь с обязанностями, не так давно возложенными на него отцом.

Старый барон радовался деловой хватке своего старшего сына. Но его серьезно печалил моральный облик и слишком легкомысленное отношение к жизни

наследника славного рода.

Генрих постоянно оказывался в центре светских событий и часто попадал в сомнительные истории. Он не раз участвовал в дуэлях, но всегда выходил из них победителем.

Екатерина старалась как можно реже встречаться с этим молодым человеком – она считала его чересчур высокомерным и заносчивым. Генрих всегда держался с гувернанткой брата подчеркнуто вежливо и безразлично. Как, впрочем, со всеми слугами в доме, как бы показывая, что их разделяет бесконечно глубокая пропасть.

Тем не менее несколько раз он снисходил до разговора с Екатериной на довольно острые темы. Девушка с жаром отстаивала свое мнение, и это, похоже, очень веселило молодого аристократа. Однако вел он себя всегда корректно и учтиво.

Девушка опять взялась за книгу – до экзаменов оставалось чуть больше месяца. Через некоторое время вошла горничная и позвала мальчика:

– Андрей Александрович, вас папенька зовет!

Мальчик бросил солдатиков, схватил деревянную саблю и, размахивая ею, радостно помчался к отцу.

– Андрюша, осторожнее, не упадите! – Екатерина легко поднялась с плетеного кресла и поспешила вслед за своим воспитанником в комнату.

– Не беспокойтесь, мы погуляем по парку до ужина, – Александр Львович взял младшего сына за руку и повел его к высоким стеклянным дверям, выходящим в парк.

Екатерина вернулась и продолжила читать, но услышав шаги, положила книгу на балюстраду и обернулась. На террасу с сигарой в руке вышел Генрих.

Как всегда безукоризненно и элегантно одетый, со скучающим выражением лица он безучастно поприветствовал Екатерину и спросил, кивнув на сигару:

– Не возражаете?

– Нет, – коротко бросила девушка. Мог бы и не спрашивать, она здесь всего лишь гувернантка.

Молодой барон выглядел усталым. На лбу у него Екатерина заметила длинную ссадину, которую тот пытался прикрыть прядями светлых волос, спадавшими на лоб и почти закрывавшими глаза цвета холодной стали.

Генрих с наслаждением вдохнул ароматный сигарный дым и подошел к Екатерине.

– Простите, я должен был предложить вам... – он достал из кармана серебряный портсигар, раскрыл его и протянул девушке.

– Благодарю, я не курю, – строго ответила она. Неужели можно предположить, что девушка-гувернантка курит? Она ратует за равноправие мужчин и женщин, но причем тут сигареты? Это же просто глупо. Или это насмешка над ее жизненными принципами? Она кинула быстрый и пытливый взгляд на Генриха.

– Правильно, вредная привычка. И мне надо бросать. – Он затушил сигару. – Что читаете? – то ли из приличия, то ли от скуки безразлично спросил молодой аристократ.

Он меланхолично взял книгу, лежавшую на балюстраде, и с некоторым недоумением прочитал название вслух: «Практическое применение лекарственных растений в медицине».

– Зачем вам это? – с равнодушным удивлением поинтересовался Генрих.

– Буду поступать на курсы при Университете.

– Зачем?

– Станный вопрос. Вы же закончили Инженерную академию.

– Я – мужчина, мне это нужно, я работаю. Вы не будете работать, скоро выйдете замуж, будете воспитывать детей, радовать мужа, вести хозяйство. На курсы просто потратите время и деньги. Обучение вам не по карману, – Генрих говорил все так же спокойно. Казалось, его мысли блуждали где-то далеко.

Его замечание возмутило девушку, так же как и его тон. С таким же успехом он мог вещать стене или дереву, росшему перед верандой.

– Позвольте мне самой решать, что мне нужно, а что нет! И не считайте мои деньги, – довольно резко ответила она.

– Конечно-конечно, это ваше право. Просто дружеский совет.

– Мы с вами не друзья, я всего лишь гувернантка! – продолжала горячиться девушка.

Было видно, что происходящее стало забавлять Генриха.

– А вы занятная особа, оказывается! – впервые улыбнулся он.

Екатерина подняла на него темные карие глаза, полные возмущения. Если бы взгляд мог испепелять, от Генриха осталась бы горстка пепла.

– У меня есть имя! – гневно воскликнула девушка. Все-таки она не прислуга, чтобы так с ней разговаривать.

– Простите, Екатерина Павловна, не хотел вас обидеть, – нельзя было понять, говорит баронский сынок серьезно или с иронией. – У меня сегодня выдался тяжелый день, очень устал... Много работы на заводе и в конторе.

– Не знала, что вы много работаете. Лоб на работе ободрали? – съязвила девушка.

– Вы много чего не знаете... Лоб ободрал на Службе, а не в ресторане и не на дуэли, как вы, очевидно, решили. Поверьте, я не только развлекаюсь... Не стоит судить о людях по слухам и сплетням. Это будет слишком поверхностное мнение, – нравоучительно сказал Генрих, достал золотые карманные часы на

массивной цепочке и посмотрел на них. – Скоро подадут ужин, разрешите проводить вас к столу.

Он предложил Екатерине руку. Девушка вскинула голову и гордо прошла мимо, сердито шурша шелковым платьем.

Глава 2

За столом в просторном зале с высоким расписанным в античном стиле потолком и огромной хрустальной люстрой собралась вся семья старого барона Александра Львовича фон Берга, а именно он сам и два его сына – старший Генрих и младший Андрей. Кроме того, на ужине, как всегда, присутствовала гувернантка Андрюши Екатерина Павловна Несвицкая.

Все молчали. В воздухе висело напряжение. Старый барон был чем-то озабочен, остальные тоже не находили повода для оживленной беседы.

Греческие боги бесстрастно взирали на небольшое общество, собравшееся внизу.

Легкий ветерок проникал через открытые окна в сумрачную столовую и тонко звенел в прозрачных подвесках. От этого неловкая тишина, царившая за трапезой, только усиливалась.

Генрих иногда бросал на девушку-гувернантку быстрый взгляд исподлобья. Симпатичная, пожалуй, даже красивая, если, конечно, ее одеть и причесать соответственно. Держится весьма сдержанно и с большим достоинством. Не боится отстаивать свое мнение и очень забавно горячится, когда спорит. Однако в ней нет ни грамма жеманства, кокетства или показной скромности. Она радикально не походила на девиц и дам, с которыми ранее сводила его судьба. И она начала не на шутку интересоваться молодым повесу своей новизной и невинностью.

Когда длинный и скучный ужин, наконец, завершился, Екатерина и ее воспитанник отправились в библиотеку почитать на ночь сказки, которые

Андрюша очень любил. Мальчик держал свою воспитательницу за руку и что-то живо и увлеченно ей рассказывал. Она внимательно слушала его и негромко отвечала.

В ее обращении с сыном собственного опекуна не было фальши или ложной заинтересованности. От Генриха не ускользнуло, что гувернантку и ее подопечного связывали нежная дружба, доверительные отношения и полное взаимопонимание. Он проводил их долгим взглядом.

Как он раньше не заметил эту девушку? Ну да, она не отличается навязчивой яркостью, ее внешность не бросается в глаза. Ярких и броских девиц с избытком хватает в свете. И они все похожи одна на другую, различаясь между собой только цветом и фасоном платья. А эта скромная гувернантка интересна просто как человек – с независимым характером и смелым суждением. Да, необычная девушка...

От неуместных размышлений о молодой гувернантке Генриха отвлек отец – глубоко вздохнув, он пригласил старшего сына в кабинет. Там плотно закрыл двери, машинально поправил медный письменный прибор на столе, и задумался, словно не зная, как правильнее начать. Неспешно раскурив трубку, Александр Львович, наконец, приступил к беседе:

– Генрих, присядь. Я позвал тебя не просто так. Через неделю я уеду с ревизией по нашим отдаленным заводам. Это займет несколько месяцев. Поэтому мне необходимо серьезно поговорить с тобой до моего отъезда.

Предполагая, что отец опять будет выговаривать ему за праздность, Генрих обреченно опустил в большое кожаное кресло с высокой спинкой. Тоска и скука накрыли с головой. Он терпеть не мог нравоучений – пустая трата времени, тем более что менять свой образ жизни он не собирался ни при каких условиях.

В кабинете пахло дорогим табаком. За окнами ветер теребил кроны деревьев. Любимая борзая барона по кличке Вьюга сочувственно заглянула Генриху в глаза и ткнула его в руку мокрым носом.

– Меня очень волнует твое будущее. Ты умен и талантлив, но вместе с тем слишком несерьезен. Тебе пора остепениться...

Барон старался подбирать нужные слова, и это насторожило Генриха. Когда отец ругал его за неподобающее поведение, то не стеснялся в выражениях.

- Отец, перейдем к делу, прошу вас.

Генрих сильно устал, был нетерпелив и желал побыстрее закончить разговор.

- Вижу, вы не намерены читать мораль о моих так называемых похождениях... Простите, но я сегодня ужасно вымотался на заводе и хочу немного отдохнуть... Так что же вы от меня ждете? - Генрих хотел быть почтительным с отцом, но утомление давало себя знать.

- Не перебивай и слушай, - резко одернул сына барон. - Мой новый деловой партнер, банкир Розенфельд, ты его знаешь, сделал мне предложение о слиянии капиталов. Это очень выгодно для нашего дела, как ты, надеюсь, понимаешь.

Барон мерно расхаживал по кабинету. Дубовый паркет тихо поскрипывал под его грузными шагами.

- Безусловно, но причем тут я? Подобные решения всегда принимаете вы. Хотите сделать меня равноправным партнером? - Генрих несколько оживился.

- Пока нет, но возможно в ближайшем будущем. Все будет зависеть только от тебя и от твоего подхода к работе и к жизни. Ты много времени проводишь празднично и бесцельно. Эти вечные балы, театры, клубы... Эта твоя любовница с сомнительной репутацией интриганки и авантюристки. Все это не украшает ни тебя, ни нашу семью. И это меня беспокоит...

- Я молод. Вспомните себя в моем возрасте. Мадам Лулу до сих пор с теплотой описывает ваши кутежи в ее заведении до женитьбы на моей матушке. Я успеваю выполнять все ваши поручения и пожелания по управлению заводом. Кроме того, не забывайте о моем Служении...

Александр Львович поморщился. О Служении сына он думать не любил - отец старого барона, дед Генриха, будучи на смертном одре запретил говорить и задавать вопросы на эту тему.

– Тебе пора подумать о женитьбе и о продолжении рода фон Бергов. Хорошая партия сделает тебя более уравновешенным и удержит от опрометчивых поступков, которых в последнее время чересчур много. Конечно, подобрать подходящую невесту непросто... – барон осторожно приближался к щекотливой теме их встречи.

– Вы хотите, чтобы я женился? Или речь идет о слиянии капиталов? – молодой повеса насторожился.

– Слияние капиталов будет заключаться в твоем браке с дочерью банкира Розенфельда – Эвелиной, – заявил барон тоном, не терпящим даже попытки возражения.

Это был сокрушительный удар, нанесенный в спину. Такого Генрих от отца не ожидал.

Эвелина Розенфельд – девица на выданье с колоссальным приданым из знатной семьи – отличалась исключительным высокомерием и редким снобизмом. При этом она была невероятно худа, жеманна, напоминала сушеную воблу с лошадиной улыбкой и легким намеком на косоглазие.

Ее отец ревностно хранил любимую дочь и единственную наследницу от посягательств всякого рода аферистов и охотников за приданым. А женихи, которые могли удовлетворить высоким запросам Розенфельда, шарахались от Эвелины, как от привидения.

На этот раз своей жертвой Розенфельд решил выбрать Генриха фон Берга – молод, не дурен собой, знатен и главное, очень богат. Как говорится, попытка не пытка.

– Нет, нет и еще раз нет! – горячо запротестовал Генрих. – Вы с ума сошли! Никогда и ни за что!

Он встал и нервно зашагал по комнате:

– Только этого мне не хватало!

– Не перебивай и сядь! – снова одернул его отец. – Конечно, я бы предпочел другую партию для тебя, но отказ Розенфельду очень и очень нежелателен – мы недавно начали наше сотрудничество, как ты знаешь... К тому же Розенфельды – старинный немецкий род. Эвелина, возможно, не так уж красива, но она и далеко не так глупа, как может вначале показаться...

– Отец! Да вы себя слышите?! Вы пытаетесь убедить меня и себя, что Эвелина не уродина и не дура, хотя прекрасно знаете, что это именно так и есть. Вы готовы продать меня Розенфельду ради процветания компании?! – возмущению Генриха не было предела.

Александр Львович предполагал подобную реакцию сына. В глубине души он был с ним полностью согласен. Думая об этом браке, он даже немного сочувствовал Генриху.

– Я тебя понимаю, но и ты должен понять сложившуюся ситуацию. Отток капитала повлечет за собой серьезные проблемы...

– Батюшка, прошу вас, послушайте меня! – голос Генриха зазвучал умоляюще и взволнованно. – Вы были женаты дважды, и оба раза были счастливы в браке. На моей матери вы женились поздно, вам было уже тридцать восемь лет. Я помню, как матушка любила вас, и как вы обожали и боготворили ее. У меня было счастливое детство и любящие родители. Второй раз вы женились тоже по любви на дочери простого аптекаря и тоже были счастливы, несмотря на разницу в возрасте и в социальном положении. Вы дважды овдовели, у вас есть два наследника. Не торопите меня с женитьбой, позвольте найти жену по сердцу, а не по деньгам. Уж если так необходимо слияние капитала, женитесь на Эвелине сами! А мне такого «счастья» не надо ни за какие блага!

Последний аргумент был довольно веский. Старому барону такая мысль даже в голову не приходила. Поэтому он внял голосу разума и чуть смягчился. По взгляду отца Генрих понял, что тот колеблется.

– Вы хотите получить внуков, похожих на дочь Розенфельда? – продолжил наступать Генрих. – Вам нравится иметь заносчивых и высокомерных родственников? Можете лишиться меня наследства, но я на ней не женюсь! – категорически закончил он и резко поднялся.

Борзая одобряюще лизнула ему руку, продолжая заглядывать в глаза и радостно вилять хвостом, приглашая на прогулку. Он потрепал собаку по голове и почесал за ушами. Бескорыстно преданное создание... Ее не интересуют деньги и браки по расчету. Она любит Генриха уже потому, что он ласкает ее и играет с ней. А что ему делать с Эвелиной? Он даже руку ее не сможет поцеловать без содрогания, не говоря уже обо всем остальном...

– Но возможно, если ты все-таки женишься на Эвелине, дети будут похожи на тебя... Хотя не факт... – барон вздохнул. – Розенфельд намекнул мне, что был бы рад такому зятю, как ты. Конечно, это всего лишь намек, но... Все-таки подумай о возможности этой женитьбы, взвесь все за и против. Я не могу просто так отказать Розенфельду...

– Хорошо, я подумаю, но это ничего не поменяет. И у меня есть причины противиться этой помолвке.

– Какие? Не придумывай отговорок, – с досадой отмахнулся от него отец. – Кстати, Розенфельды будут у нас завтра, поэтому я и велел тебе приехать в поместье на пару дней. Так, небольшой прием, приглашены еще несколько человек. Это, разумеется, только визит, не смотрины, но ты же понимаешь... По крайней мере, будь с ними учтив и вежлив, присмотри к Эвелине, попробуй увидеть в ней что-то положительное... А потом мы все спокойно и взвешенно обсудим. К тому же, кажется, Эвелина неплохо образована, много путешествовала и отлично танцует...

«Что положительное можно увидеть в этом высокомерном крокодиле? – с раздражением подумал Генрих. – Прекрасная черта характера – отлично танцует! И все. Больше ничего хорошего в ней даже отец не разглядел. Что же мне с ней, всю жизнь танцевать?» Его невольно передернуло.

Недовольство Генриха усилилось. Он часто встречал Эвелину Розенфельд в свете. Она вызывающе призывно сверкала бесчисленными бриллиантами и смелыми туалетами. И ее всегда бдительно сопровождали либо оба родителя, либо одна матушка. Однако желающих добровольно покуситься на их драгоценную дочь среди состоятельных мужчин пока не находилось. Пожалуй, даже за очень большие деньги таких желающих нашлось бы немного...

Генрих вышел из кабинета полностью разбитым и опустошенным. Мало того, что он сегодня был страшно измотан и утомлен, над ним нависла мрачная тень брака с богатой и ужасной Эвелиной. Надо было что-то срочно придумать, иначе можно лишиться не только привычного образа жизни, но и наследства. А этого совсем не хотелось.

Он потер лоб – начала болеть голова, а вместе с ней и ссадина. Генрих вспомнил прошедшие сутки, полные тревог и опасностей. Однако перспектива женитьбы на Эвелине не шла ни в какое сравнение со всеми трудностями, вместе взятыми.

Генрих направился в свою комнату, чтобы решить, что предпринять, или хотя бы просто выспаться. Лишь сейчас он заметил, что за окном уже наступила ночь.

Генрих шел по полутемному коридору, когда услышал тихие звуки рояля, доносившиеся из гостиной. Музыка была задумчивая и приятная, она успокаивала душу и ласкала слух.

Молодой барон прислонился к косяку на пороге гостиной и, скрестив руки на груди, слушал и наблюдал, как Екатерина музицирует. Девушка, которая не стесняется дать отпор красавцу аристократу, вызвала в нем любопытство. Со звуками музыки боль и волнения уходили куда-то далеко, на душе становилось покойно и хорошо.

Постепенно мысли стали проясняться и выстраиваться в определенном направлении. Возможно, девушка сможет помочь. Надо всего-то приложить некоторые усилия. Екатерина закончила играть, собрала ноты и только тогда заметила темную фигуру в дверном проеме. Она непроизвольно вскрикнула, и листы с шумом рассыпались по черной лаковой крышке рояля.

– Не пугайтесь, это я, – бархатным голосом негромко произнес Генрих.

– Я вас не сразу узнала, – с облегчением вздохнула девушка.

– Никогда раньше не слышал вашей игры. Вы исполняете прекрасно, – Генрих широко и обворожительно улыбнулся.

– Не стоит преувеличивать, – Екатерина была настороженна, как всегда при разговоре с ним. Она собиралась уйти. Было заметно, что общество молодого барона ее тяготит и она чувствует себя рядом с ним неуютно.

– Да нет, мне, правда, понравилось. Голова перестала болеть. Поиграйте еще немного, пожалуйста. Если Вас не затруднит, конечно... – смиренно попросил фон Берг.

Просьба Генриха звучала искренне. Он смотрел на девушку уставшим взглядом и говорил почтительно и проникновенно. Его любезности не было предела. Молодой повеса мог быть обаятелен, когда хотел.

Он тихими шагами хищника на охоте подошел к роялю и облокотился на него, внимательно глядя на Екатерину и пытаясь проникнуть в самые глубокие закоулки ее души.

Девушка заиграла «Вечернюю серенаду» Шуберта – немного меланхоличную и грустную мелодию. Тонкие пальчики невесомо и уверенно порхали по клавишам, играя свободно и вдохновенно.

Глаза цвета горького шоколада прикрывали опущенные веки, обрамленные пушистыми ресницами. Простая прическа придавала девушке еще больше благородства и изящества – она походила на средневековую зачарованную принцессу из таинственного замка.

Лицо Екатерины светилось в темноте нежной фарфоровой белизной, на которой выделялись яркие коралловые губы, изогнутые в легкой одухотворенной улыбке.

Молодой барон невольно вспомнил полные чувственные губы своей любовницы – какие же они разные... Говорят, глаза – зеркало души, но губы тоже могут о многом рассказать...

Генрих воспользовался тем, что девушка увлечено музицирует. Он внимательно и откровенно изучал Екатерину, разглядывая ее внешность и теряясь в догадках о ее характере и потаенных мыслях. О чем она теперь думает? Только о музыке? Или нет? Что у нее на душе? Влюблена ли она в кого-нибудь? Вряд ли... Она целеустремленно идет к своей мечте и не будет отвлекаться на такие глупости. Или все-таки она обычная девушка и влюбленность тоже ей не чужда?

Фон Берг вдруг представил, как за этой девушкой пошло ухаживает какой-нибудь мелкопоместный дворянин или засаленный чиновник. Нет! Такая, как она, достойна самого лучшего!

Кроме того, Генриха немало удивил выбор произведения – обыкновенно барышни ее возраста исполняли жестокие романсы и слащавые пьесы второсортных композиторов. Шуберта он тоже любил, и эта серенада окончательно вдохновила его на авантюрный план, к реализации которого он немедленно приступил.

Екатерина закончила играть и скромно сложила руки на коленях. Она подняла свои темные бархатные глаза на барона, видимо предполагая, что он хочет что-то спросить или сказать.

Генрих начал свою коварную партию:

– Екатерина Павловна, я должен извиниться перед вами. Уверяю, что не хотел вас обидеть. Конечно, вы правы, удел женщины не только семья. И я с вами в этом полностью согласен, хотя это и идет в разрез с общепринятым мнением. Мои взгляды тоже часто вызывают осуждение окружающих. Вы хотите получить образование – и это прекрасно и правильно. Не многие девушки стремятся к этому. Большинство предпочитают удачно выйти замуж и посвятить себя только семье. То, что вы хотите учиться дальше, говорит о вашей целеустремленности и редкой силе характера, – он беззастенчиво льстил девушке, надеясь завоевать ее благосклонность. – Однако обучение очень дорого, насколько я знаю. Чтобы получить образование, вам придется еще и работать. А для юной девушки это будет не просто. Думаю, я смогу немного помочь вам в этом. У меня есть к вам деловое предложение. Сегодня уже очень поздно. Если не возражаете, мы можем обсудить его завтра. Нет, послезавтра – завтра у нас гости. Будет небольшой прием. Поверьте, в предложении, которое я собираюсь вам сделать, нет ничего непристойного или того, что может вас оскорбить. Но возможно, оно вам понравится и поможет получить образование, о котором вы так мечтаете.

Он очень старался придать словам искренность и расположить девушку к себе.

– Хорошо, послезавтра, – кивнула Екатерина. Речь Генриха заинтересовала ее и совсем не насторожила. – Раз у вас завтра гости, а у меня выходной, я смогу съездить в город, как и планировала.

– А я так рассчитывал, что вы присоединитесь к нашему вечеру и разбавите чопорную компанию, которую пригласил мой отец... – любезности молодого повесы не было границ. – Я все же надеюсь, что вы передумаете...

– Нет-нет. Думаю, это будет неуместно. И мое общество вряд ли обрадует Розенфельдов. Насколько мне известно, они очень тщательно выбирают круг знакомств. И я в него, однозначно, не вписываюсь, – она иронично улыбнулась.

– Вы такая независимая и ратуете за равноправие всех сословий. Вы же не полагаете себя хуже них? – в изумлении вскинул брови Генрих. – Я так точно не думаю, и мой отец, уверен, тоже. Считайте, что я вас официально пригласил. И вы спасете меня от встречи с Эвелиной тет-а-тет.

– Так вот зачем я вам понадобилась завтра вечером! – девушка непринужденно и весело засмеялась в ответ. Возможно, она представила себе несчастного Генриха рядом с Эвелиной и это ее рассмешило.

– Ну, это не самое главное. Мне приятно беседовать с вами. У вас свежий взгляд на многие вещи, вы не боитесь отстаивать свое мнение. Я тоже не вписываюсь в общепринятые стандарты. Есть надежда, что мы сможем подружиться! – Генрих снова широко и располагающе улыбнулся.

– Вполне вероятно... Тем не менее не могу принять ваше любезное приглашение. Я уже обещала подругам встретиться завтра с ними.

– Очень жаль, – Генрих был разочарован. Его приглашение на аристократический вечер отклонили ради общения с подружками, которые, скорее всего, заурядные и скучные простушки. – Спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – Екатерина аккуратно сложила ноты на рояле и легкой походкой удалилась из гостиной, тихо шурша юбкой.

Генрих проследил долгим и внимательным взглядом за уходящей девушкой – ее тонкая изящная фигурка растворилась в темноте коридора. Она была хороша в своей простоте, и это волновало его.

Лакомый кусочек для записного ловеласа. Нежная лесная фиалка на фоне блестящих и холодных светских красавиц, в большинстве своем до ужаса предсказуемых. Хрупкий цветок, который так легко невольно уничтожить...

Глава 3

Утреннее солнце слепило глаза, но было еще свежо. Девушка закуталась в летнюю накидку и с наслаждением полной грудью вдыхала бодрящую прохладу. Луговые ароматы опьяняли. Кучер Егор вез Екатерину в город. Он же должен был вернуться за ней в семь вечера.

Пока экипаж неспешно катил по холмистой местности, девушка с некоторым сожалением думала о том, что не смогла принять приглашение Генриха. Оно льстило Екатерине, ей безумно хотелось пойти на ужин, но у нее не было платья, подходящего к этому случаю. Она никогда не забывала, что принадлежит к древнему и знатному роду Несвицких, и гордость не позволяла ей выглядеть нищенкой на фоне роскошно одетых гостей. Кроме того, высшее общество всегда было ей чуждо и отталкивало своей холодностью и заносчивостью.

Когда девушка училась в последнем классе Института, она дважды побывала на светских вечерах, если, конечно, их можно так назвать – там собралась очень разномастная публика.

Впервые выпускницы присутствовали на новогоднем балу, а затем в Дворянском собрании в честь окончания Института. Оба раза Екатерину поразили блеск богато одетых дам и господ, принадлежащих к высшей знати. Было заметно, что они общаются только с равными себе. Такого изобилия драгоценностей девушка никогда раньше не видела.

Никто из высшего света не снизошел до скромно одетой институтки. А выходное платье Екатерины было более чем скромное. Золотой медальон на длинной цепочке и маленькие жемчужные серьги – вот и вся роскошь, что она могла себе позволить.

Молодые люди старались найти подходящих невест и внимательно смотрели, во что одеты и как причесаны претендентки на предложение руки и сердца. Девушка в строгом платье и без обилия украшений не вызвала у них никакого интереса. Что с нее взять – как нарядилась, такое и приданное. Все-таки в высшем обществе встречали по одежке. И они были по-своему правы – кому нужна бесприданница?

Знакомых Екатерины там не оказалось, и чувствовала она себя одинокой, всеми покинутой и интересной только для любителей сомнительных развлечений.

Какой-то немолодой потрепанный дворянчик бесцеремонно и по-свойски ухватил ее под локоток и предложил пройти в буфет выпить шампанского и съесть пирожных. Удивительно, как он сразу не позвал ее проехать в номера. Его поведение явно подразумевало такое продолжение знакомства. Она возмущенно отказалась. Мужчина пожал плечами и оставил ее в покое – нет, так и не надо, поищу другую, более сговорчивую.

В другой раз нарядный и напомаженный кавалер пригласил ее на вальс и бесстыдно прижал к себе, обдав густым винным запахом и пытаясь поцеловать в шею. Она немедленно прервала танец и отошла от ловеласа с брезгливым ощущением липкой грязи на руках и талии. Те светские вечера оставили на душе у девушки неприятный осадок.

Лучше общаться со старыми добрыми друзьями, чем пробиваться в высшее общество неизвестно ради чего, сделала для себя вывод девушка. Тем более что она не собирается удачно выходить замуж за какого-нибудь знатного и богатого старика.

И вообще она чувствует себя неуютно рядом со снобами. Екатерина не любила лицемерие и решила, что будет избегать общения с подобными людьми. На этом она и успокоилась – можно считать, что ей самой не хочется на званый вечер.

Хотя старый барон очень хороший и благородный человек, он не заносчив и не высокомерен.

Она вспомнила о Генрихе и его обещании помочь с учебой. Возможно, он тоже неплохой человек, только легкомысленный... Хотя ей совсем не важно, что он из себя представляет и какую жизнь ведет. Он ей предлагает исключительно

работу, и ничего более.

В городе первым делом девушка направилась в лавку знакомой старушки-знахарки, которая торговала всевозможными целебными отварами и порошками.

В помещении лавки уютно пахло розмарином и мятой. На полках стояли склянки разных форм и размеров с пилюлями и микстурами, под потолком на балке висели пучки сушеных трав и ягод.

У старушки Екатерина покупала составляющие для настоев и мазей, которые готовила сама на все случаи жизни – от простуды, синяков, головной боли и прочих мелких неприятностей. У нее это неплохо получалось. Даже старый барон иногда прибегал к ее снадобьям.

Девушка, сколько себя помнила, интересовалась полезными для здоровья растениями и минералами. Постепенно это увлечение переросло в настоящее призвание. Именно поэтому она решила поступать на курсы при Университете и получить необходимое для любимого дела образование.

Екатерина зашла еще в несколько лавок и магазинов, где купила кое-что нужное, поменяла книги в общественной библиотеке. Держа в обеих руках небольшие коробки и свертки, девушка отправилась на квартиру своего друга детства Алеши Вишнякова.

Он работал в Канцелярии Городской управы и снимал две комнаты недалеко от центрального рынка в неказистом деревянном домике с мезонином и обширным фруктовым садом. Отцы Екатерины и Алексея были дружны, и их дети росли практически как брат и сестра. Девушка очень ценила давнюю дружбу с Алешей, а он был безнадежно влюблен в нее с самого детства, посвящал ей стихи, писал сентиментальные письма и один раз даже попытался спеть серенаду, но был с позором выдворен привратником фон Бергов. Екатерина питала к Алексею нежные и трогательные чувства, но любила его только как брата.

Время от времени она приезжала проведать его в городе, а он иногда заезжал к ней в поместье. Три дня назад Екатерина послала ему записку, что, возможно, зайдет ненадолго. Поэтому когда девушка подходила к дому, где жил Алеша, тот уже ждал ее на скамейке у палисадника. Молодой человек порывисто бросился ей навстречу:

– Здравствуй, Катенька! Как я рад!

Алексей был старше Екатерины на четыре года. Симпатичный, довольно высокий, с копной кудрявых волос цвета спелой пшеницы, он располагал к себе порядочностью, прямоотой и искренностью, иногда граничащей с наивностью.

Восторженный и горячий, он рьяно защищал свое жизненное кредо – честность, честность и еще раз честность. Его молодость объясняла и извиняла эти недостатки. Хотя не будь они такими гипертрофированными, это были бы скорее достоинства.

Яркие синие глаза Алексея смотрели открыто и немного наивно из-под светлых густых ресниц. Широкое лицо покрывали веснушки, и это придавало ему задорное мальчишеское выражение.

– Доброе утро, Алеша! Давно собиралась навестить тебя, но времени совсем нет. Сам понимаешь, готовлюсь к экзаменам, – Екатерина кивнула на связку книг.

Юноша и девушка крепко обнялись и прошли через резную калитку во двор.

Молодой человек забрал многочисленные свертки. Он аккуратно сложил их на большом бревне, лежавшем вдоль тропинки под тенистыми кустами сирени и изображавшем садовую скамью.

– Я понимаю, что ты очень занята... Пойдем в сад, я приготовил чай. Посидим в беседке, поболтаем, – он взял подругу за руку и повел по дорожке вглубь сада.

В беседке уютно пахло дымком от стоявшего на накрытом белоснежной скатертью столе блестящего медного самовара-репки с маленьким заварочным чайником наверху. Как цыплята вокруг наседки, расположились тарелочки с конфетами, печеньями, блюдечки с вареньем, медом и прочая сладкая снедь. Как снег, искрились кусочки колотого сахара. В хрустальной вазочке стоял скромный букетик полевых цветов.

– Ты, как всегда, неподражаем, Лешенька! Мы этого и за год не съедим! Ты опять потратился! Ну зачем, зачем? – смеясь, шутливо начала упрекать друга девушка. Она ловко выудила из варенья земляничку и с удовольствием

облизнула пальцы. – Как же вкусно! Как в детстве! Я всегда вылавливала ягоды и оставляла один сироп! А ты на меня обижался!

– Здесь все, что ты любишь, – Алексей не скрывал гордости, что все так хорошо продумал и организовал. Видимо, он не один день готовился к встрече своей подруги. – Вот пастила, земляничное варенье, липовый мед. Помнишь, как у твоего отца в имении? Я все помню! Как мы бегали на речку, как ходили за грибами.

– Конечно, и я помню! Хорошее было время, беззаботное... – легкая тень пробежала по лицу Екатерины. – Теперь нет имения... Давно нет... И отца нет... Ну да хватит грустить! – она снова рассмеялась и озорно приказала другу: – Ухаживай за мной – наливай чай!

Они чаевничали и беспечно болтали. Тихо шелестела листва под теплыми порывами летнего ветра. Воздух наполнял пьянящий аромат цветущих петуний, которые в изобилии хаотично и буйно росли по краям дорожек сада и по всем свободным местам, включая грядки с петрушкой и укропом.

Алексей не сводил влюбленных и восторженных глаз с Екатерины:

– Когда ты поступишь в Университет, мы будем видеться чаще. Ты можешь снять квартиру рядом с моей. В соседнем доме как раз сдают комнату. И не дорого, кажется... Будем ходить в театры, гулять, ну и вообще проводить больше времени вместе.

Екатерине не хотелось обижать своего друга, но она опасалась, что эта фанатичная влюбленность помешает ему встретить другую достойную девушку и создать с ней семью. Замуж за Алексея она никогда не собиралась. Для нее это было равносильно вступлению в брак с родным братом – полный абсурд. Она мягко сказала:

– Боюсь, я буду вынуждена не только учиться, но и работать. Обучение очень дорогое... Некогда будет гулять... – она невольно вздохнула, представив, что ей придется преодолеть ради своей мечты. – Да, сын Александра Львовича, возможно, хочет предложить мне работу. Я думаю, в заводской больнице. Видимо, он знает о моем увлечении. Похоже, барон рассказал ему о моих снадобьях и мазях. Он их иногда применяет и очень меня хвалит. Если я начну

работать в больнице, это будет просто отлично. Потихоньку стану набираться опыта. Еще и деньги за это будут платить. Конечно, будет нелегко, но я справлюсь, я сильная и настойчивая, – девушка была увлечена мечтами об учебе и работе и не сразу заметила перемену, происшедшую в ее друге.

Алексей нахмурился и помрачнел:

– Генрих фон Берг? Этот светский хлыщ и развратник? Что он может предложить, кроме непристойностей? Не вздумай связываться с ним! Он воспользуется твоей наивностью и скомпрометирует тебя самым подлым образом.

– Ты не прав, Леша. Нельзя так категорично судить о людях. Я надеялась, ты за меня порадуешься. А ты говоришь гадости. С какой стати ему меня оскорблять или предлагать непристойности? Ты лично знаком с ним? – она продолжала безмятежно пить душистый чай и аппетитно грызла медовый пряник.

– Нет, не знаком, и не желаю его знать! О нем рассказывают много нелестного. Он вечно попадает в скандальные истории, любовницу содержит такую же эпатажную! Наверняка завсегда с публичных домов и сомнительных клубов! – молодой человек говорил отрывисто и начинал горячиться все больше и больше.

– Не знала, что ты вхож в высшее общество! Откуда ты все это взял? Нехорошо слушать сплетников! – девушка искренне возмутилась, недовольно отложила пряник в сторону и решительно поставила на стол чашку с чаем. – Зачем плохо говорить о человеке, с которым ты не знаком лично. Как можно так безоговорочно осуждать людей!

– А с чего ты его так рьяно защищаешь? Может быть, и ты в него влюбилась? Ну конечно, он же красив и богат! Ему легко соблазнять невинных девиц. Да о его похождениях знает весь город! – было видно, что Алексей начинает ненавидеть Генриха всей душой. Он и не скрывал этого.

– А ты, похоже, ревнуешь? Я повода не давала! Да и вообще, какое ты право имеешь ревновать меня? – Екатерина не на шутку рассердилась и резко встала из-за стола. – Или ты считаешь меня наивной дурочкой, не способной отличить хорошее от плохого? Я сама могу решать, что и как мне делать, с кем общаться, а с кем нет! Не надо меня учить и давать советы, в которых я не нуждаюсь!

Терпеть этого не могу!

– Не сердись... Прости, ты же знаешь... – молодой человек печально опустил голову. – Я тебя с детства люблю. Очень сильно... Не хочу, чтобы ты попала в неприятности... И тем более чтобы какой-то богатый негодяй надругался над тобой или просто обидел. Я ему этого не прощу!

– Лешенька, милый! И я тебя тоже очень сильно люблю, но только как старшего брата. Мы с тобой уже об этом не раз говорили. Ты мой лучший друг! Не будем ссориться! И не будь букой! Ну, мир? – она примирительно протянула ему руку, и Алексей вяло пожал ее. Было видно, что он изрядно расстроен и не может этого скрыть.

– Мир... Ладно, мир! – Алексей тряхнул головой и широко улыбнулся. Долго дуться они не могли оба. Все-таки были настоящими друзьями.

Они посидели еще немного, потом прошлись по саду. Между яблонями весело бегали пестрые куры. За ними тщетно охотился крохотный полосатый котенок. Он забавно прятался среди высокой травы, топорщил хвост морковкой и смело выскакивал из своего укрытия. Алексей взял котейку на руки, стал гладить и чесать за ушком. Тот неожиданно громко заурчал. Екатерина пришла в восторг и отобрала котенка у друга. Они долго возились с маленьким хищником, как дети. Наконец, девушка начала собираться:

– Мне пора, надо еще к подругам зайти. Увидимся как-нибудь, и ты ко мне тоже заезжай... Я всегда рада тебя видеть!

– Не люблю я в поместье бывать. Чувствую себя там оборванцем. Даже прислуга фон Бергов на меня косо смотрит, – проворчал Алексей, отводя взгляд в сторону и вздыхая.

– Ты же ко мне приезжаешь, а не к барону. Не говори ерунды, никто тебя там за оборванца не принимает. И не сочиняй того, чего нет. Но если ты чувствуешь себя в имении неловко, я буду к тебе сама заглядывать. Только часто не получится... Ты же понимаешь, правда? Работа, подготовка к поступлению в Университет... – Екатерина начала не спеша собирать свертки, но Алексей ее остановил.

– Можно тебя проводить? – было заметно, что ему не хотелось расставаться с девушкой.

– Конечно, я иду к сестрам Фроловым. Обещала их навестить сегодня. Они недалеко живут. Помнишь их – Ольга и Елена? Мы вместе учились.

Алексей взял свертки и коробки и пошел провожать Екатерину до дома ее подруг. Там друзья обнялись на прощание и молодой человек удрученно поплелся домой, глубоко засунув руки в карманы и остервенело пиная попавшийся под ноги камушек.

Екатерина сочувственно посмотрела Алеше вслед. Милый, добрый, хороший друг. Только друг. Девушке снова стало жаль его и это ее беспокоило – жалость унижает человека...

Глава 4

К пяти часам вечера в имение начали съезжаться немногочисленные гости.

Первым приехал деловой партнер барона – князь Апухтин, убежденный холостяк и просто славный малый. Брюнет тридцати пяти лет, щегольски одетый и с налетом легкого скептицизма на породистом лице.

Он удобно расположился на террасе с бокалом вина и сигарой и чувствовал себя как дома – князь был частым и желанным гостем в поместье. Он прихлебывал вино и беседовал с Генрихом, который доверительно рассказывал об истинной причине званого ужина.

Любитель роскошной жизни, Апухтин был близким другом Генриха. Их связывали общие интересы молодых аристократов – балы, охоты и просто праздное времяпровождение. Кроме того, князь был постоянным секундантом на многочисленных дуэлях, в которых участвовал его дорогой друг.

Князь слыл тонким ценителем живописи и всего прекрасного, включая представительниц слабого пола. Он сочувственно и с пониманием кивал Генриху

и, наконец, предложил после ужина съездить развеяться в город. Смена впечатлений пошла бы им обоим на пользу. Но у Генриха на вечер были совсем другие планы.

Через некоторое время появилась семья соседа – помещика и землевладельца Кудрявцева: сам Петр Иванович, его жена Мария Никифоровна, которая была намного младше своего мужа, и их дочь Ирина, миловидная девушка пятнадцати лет, очень непосредственная и смешливая. Петр Иванович и его супруга были необычайно похожи друг на друга – оба невысокого роста, полноватые и говорливые.

Они привнесли оживление и некоторую суету. Кудрявцев был давним другом старого барона, они часто проводили вместе вечера, играли в нарды или в шахматы, иногда спорили о политике, но обыкновенно просто курили, беседовали о прошедших временах и вспоминали бурную и веселую молодость.

Пожилая пара – граф и графиня Вороновы – были очень дальними родственниками барона. Генрих встречался с ними редко, в основном на похоронах и свадьбах их общей родни, и был неприятно удивлен, увидев Вороновых сегодня. Он понадеялся, что ни того ни другого в их семье в ближайшее время не произойдет.

Чета Вороновых не часто посещала поместье Бергов, но своей знатностью, по соображениям старого барона, должна была составить подходящую компанию Розенфельдам, которые очень щепетильно относились к новым знакомствам.

Кроме того, были приглашены еще три семейных пары из знатных дворян. Александр Львович сделал это не потому, что они были близкими друзьями, а просто для поддержания компании и дабы избежать неловкости в общении с семейством банкира – он не хотел, чтобы вечер откровенно походил на смотрины. Всего набралось семнадцать человек – ни много ни мало, а в самый раз для небольшого званого ужина.

Главные гости задерживались. Наконец, с опозданием почти на час, появились Розенфельды. Они впервые посещали имение барона и были неприятно удивлены, увидев среди приглашенных соседа-помещика с семейством – людей явно не их круга.

Глава Розенфельдов – Карл Оттович, очень рослый и очень худой, рыжеволосый и гладко выбритый немец сорока пяти лет, торжественно вел под руку свою супругу – дородную и розовощекую Аманду Петровну, пышущую здоровьем и заносчивостью.

Супруга банкира была одета роскошно, но слишком вычурно для обычного дружеского приема – в темно-зеленое платье муарового шелка с обилием фламандских кружев. Белоснежные страусовые перья в сложной прическе, закрепленные драгоценным гребнем, мерно покачивались в такт уверенным и тяжелым шагам. Непомерно громоздкое изумрудное кольцо на широкой шее дополняло этот, поистине королевский, туалет.

Рядом с матерью величественно несла себя Эвелина Карловна – девица на выданье двадцати лет с огромным чувством собственного достоинства. Дорогое и модное кружевное платье розового цвета, выписанное из Парижа, было очень глубоко декольтировано, открывая острые ключицы и будто намекая на готовность Эвелины вступить в брак.

Была она долговяза, светловолоса, со слишком бледной кожей – то ли от природы, то ли от обилия пудры, с очень крупным ртом и бесцветными водянистыми бледно-голубыми глазами. Отсутствие привлекательности должны были компенсировать драгоценности, в изобилии украшавшие Эвелину Карловну. Бриллианты вспыхивали холодным искрами на ее шее, в волосах, в ушах и на руках. Она могла бы служить ходячей витриной модного ювелирного магазина.

Барон почтительно и важно представил гостей семейству банкира, словно коронованным особам. Генриху стало даже неловко за отца и его заискивание перед Розенфельдами. Он поморщился и отошел к окну, глядя на вечеряющее небо.

Когда все формальности знакомства были соблюдены, гостей пригласили к столу, накрытому в саду. Приятная вечерняя прохлада окутала старинный парк, а ветерок игриво шевелил светлые шелковые скатерти.

Первая сервировка состояла из легких закусок. Нарезанный тонкими ломтиками говяжий язык, свежайшая буженина, копчености и прочая мясная снедь соседствовали с серебряными вазочками, наполненными черной и красной

икрой. Виноград и заморские фрукты громоздились в вазах на высоких ножках. В блестящих ведерках со льдом охлаждалось шампанское. А в запотевших маленьких графинчиках медленно и неумолимо нагревалась прозрачная, как слеза, водка. Хрусталь переливался и сверкал под лучами заходящего солнца, приглашая безотлагательно приступить к долгожданной трапезе.

Генриху впервые в жизни захотелось напиться до беспамьяства. Но это не решило бы его проблему с Эвелиной. Званный ужин казался Генриху поминками по его счастливому прошлому, и это снова и снова нагоняло на него тоску.

Небольшой, специально нанятый для такого важного случая оркестр негромко играл что-то спокойное и ненавязчивое. Потихоньку наладилась общая беседа об охоте, погоде и подобной светской ерунде. Розенберги демонстративно игнорировали семью помещика Кудрявцева.

Генрих со злорадством смотрел на отца – старого барона начинало коробить от такого высокомерия. Может быть, он теперь станет по другому относиться к новому деловому партнеру и идее объединить капиталы таким варварским способом?

Эвелина пыталась кокетливо улыбаться Генриху и его отцу, но от этого и тому и другому становилось не по себе. Генрих был озабочен в основном тем, чтобы девица Розенфельд или ее матушка не подсыпали ему в еду или питье какого-нибудь приворотного зелья. В эти глупости он не верил, но не хотел отравиться кошачьей печенью, жабым сердцем или чем-то еще в этом роде.

После легкого ужина барон предложил немного потанцевать и на правах хозяина пригласил на первый вальс Эвелину Карловну. Она очень хорошо танцевала, и это было одно из ее достоинств, едва ли не единственное. Однако Эвелина предпочитала модные танцы, а барон был в этом вопросе консерватор. Только вальсы, полонезы и менуэты – все чинно и благопристойно. К середине вечера Генриху пришлось из приличия тоже пригласить Эвелину.

– Вы отчего-то мало танцуете, – с упреком заметила она, игриво кося водянистыми глазками и доверительно пожимая Генриху руку. – Я обожаю заграничные танцы. Они такие чувственные и смелые... Вы согласны?

– Увы, я не люблю танцы... – Генрих вымученно улыбнулся и тоскливо посмотрел через костлявое плечо Эвелины в печально темнеющее окно.

– Я видела вас недавно на балу у губернатора. Там вы не отказывали себе в этом удовольствии... – не унималась та.

– Просто положение обязывает... А вы прекрасно вальсируете, – Генрих чувствовал необходимость сказать хоть какой-нибудь комплимент девушке, и он его сказал. На сегодня все обязанности любезного кавалера были выполнены с лихвой.

– Какая чудесная погода, не правда ли? – перевел разговор Генрих, даже не пытаясь казаться заинтересованным в более тесном знакомстве.

Эвелина явно ждала большего, чем пустые светские любезности. Но ее надежды не оправдались. Роскошный модный туалет и старинные бриллианты не впечатлили потенциального жениха. Генрих был учтив и бесконечно отстранен.

Было заметно, что Карл Оттович тоже разочарован. Видимо, он понимал, что и тут, скорее всего, не найдет партию для своей драгоценной дочери. Он подошел к барону и решил сделать последнюю попытку для прояснения ситуации со сватовством:

– Ваш сын сегодня очень задумчив и молчалив. Вы говорили с ним по нашему делу?

– Думаю, надо чтобы молодые люди получше познакомились и присмотрелись друг к другу. Они первый раз встретились так близко. Мы не должны диктовать им свою волю. Это же не смотрины, а просто дружеский ужин. Не будем торопить события...

Генрих стоял неподалеку и чутко прислушивался к их разговору. Конечно, подслушивать некрасиво и неблагородно, но сейчас это было допустимо, ведь речь шла о его будущем.

Стало прохладно, и общество пригласили продолжить ужин в столовой. Теперь стол просто ломился от яств – барон хотел произвести впечатление на семью

банкира.

Общая беседа значительно оживилась после нескольких бокалов горячительных напитков. Эвелина начала с интересом поглядывать на князя Апухтина, игриво покусывая кончик веера. Генрих не преминул обратить на это внимание своего друга:

– Гляди-ка, какие пламенные взгляды мечет в твою сторону девица Розенфельд. Берегись! Похоже, она теперь попытается прибрать к рукам тебя. Может, налить тебе еще водки? Говорят, определенная доза этого волшебного эликсира помогает рассмотреть глубоко скрытую женскую красоту, – не без сарказма произнес Генрих.

– Ну уж нет! Я слишком благороден, и не встану на пути твоего семейного счастья, – коварно усмехнулся князь, криво улыбаясь и отправляя в рот крупную виноградину. – Кроме того, я слишком беден для этого семейства. Так что водку пей сам, хотя в данном случае это вряд ли поможет.

Генрих с сожалением подумал, что его приятель прав. Он раньше свалится под стол, чем водка позволит ему разглядеть шарм Эвелины.

Глава 5

Уже почти стемнело, когда Екатерина вернулась из города. Стало свежо. Первые звезды отчужденно и бесстрастно смотрели на землю.

Девушка попросила кучера Егора отнести ее покупки на кухню, чтобы забрать их завтра, а не тащить через весь дом, полный знатных гостей. Она хотела незаметно проскользнуть в свою комнату. Прошла черным ходом, но к лестнице все равно надо было идти по коридору рядом с малой гостиной. Сквозь широкую арку старый барон заметил девушку и приветливо окликнул:

– Екатерина Павловна, добрый вечер! Присоединяйтесь к нам, прошу вас.

Возможно, со стороны барона это была пустая формальность, но Екатерине пришлось зайти в гостиную и поздороваться:

- Добрый вечер! Благодарю вас, но я немного устала...

- Нет-нет, отказ не принимается, - живо поддержал отца Генрих.

Он стремительно подошел к девушке, взял ее под руку и галантно провел в ярко освещенную залу.

Сегодня молодой барон выглядел потрясающе. Темно-серый костюм прекрасно подчёркивал его атлетическое сложение, длинные светлые волосы были забраны в низкий хвост. Екатерина с удивлением отметила, что ссадина на лбу почти исчезла.

- Если вы устали, тем более выпейте с нами хотя бы бокал вина или чашечку чая... - Александр Львович источал искреннее радушие.

За роялем сидела мадам Розенфельд, тщетно пытавшаяся спеть арию Эльзы из оперы Вагнера «Лоэнгрин». И была очень недовольна, что ее пение прервали на полуслове. Вокруг рояля стояло несколько дам и кавалеров, с трудом сдерживавших зевок и пытавшихся изобразить заинтересованность. Вечер не представлялся особенно оживленным.

Эвелина Карловна удивленно вскинула бесцветные брови, и семейство Розенфельдов обменялось выразительными взглядами. Они дружно с нескрываемым недоумением внимательно посмотрели на Екатерину, смерив ее с ног до головы и сделав соответствующие выводы.

Девушка поняла, что не все рады ее внезапному появлению.

Однако отказываться дальше было неудобно, и Екатерина была вынуждена согласиться. Лакей унес ее накидку, и девушка почувствовала себя словно голой на фоне богато разряженных гостей. В город она ездила в синем поплиновом платье без излишеств и украшений, правда, подчеркивающим ее стройную фигуру. Но теперь оно резко контрастировало с нарядными вечерними туалетами светских дам.

Всё в зале, от бокалов с шампанским, до пряжек на шелковых туфельках мадам Розенфельд сверкало, искрилось и переливалось, и лишь Екатерина в своем скромном туалете казалась здесь неуместной и блеклой.

– Разрешите представить вам Екатерину Павловну Несвицкую, – объявил старый барон, – дочь моего друга, увы, покойного. Я был опекуном до ее совершеннолетия. На моих глазах она расцвела и превратилась в настоящую красавицу.

Барон представил Екатерине всех присутствующих. Девушка была растеряна и не запомнила имена большинства гостей, просто мило улыбалась и говорила, что ей очень приятно с ними познакомиться.

Семью помещика Кудрявцева Екатерина уже знала. Они ей нравились – простые и сердечные люди, без сословных предрассудков и пустого высокомерия. Кудрявцевы владели обширным вишневым садом и роскошными охотничьими угодьями, граничащими с поместьем фон Бергов.

Дальние родственники фон Бергов и остальные гости поприветствовали Екатерину без особой теплоты, но вежливо.

Эвелина Карловна Розенфельд не нашла ничего лучше, как поинтересоваться, правда ли Екатерина служит гувернанткой в доме барона. Слово «служит» она не без удовольствия выделала интонацией, приравняв девушку к прислуге и очертив непреодолимую дистанцию между ними. Екатерина покраснела и была готова провалиться сквозь землю.

Однако хозяин вечера быстро нашелся, сказав, что мадмуазель Несвицкая любезно согласилась на правах старого друга семьи подготовить Андрюшу к поступлению в гимназию. Неловкую ситуацию удалось сгладить.

Екатерина заметила, как Генрих насмешливо посмотрел на отца и тот понимающе ответил на его взгляд, с сожалением признавая правоту сына – дочь Розенфельда не отличалась воспитанностью и тактом.

Князь Сергей Сергеевич Апухтин – давнишний друг Генриха – галантно поцеловал девушке руку и выразил свое полное счастье и восхищение от знакомства. Князь обладал привлекательной наружностью, роста был чуть выше

среднего, одевался со вкусом и носил модную бородку. Его темные волосы были набриолинены. Запах дорогого одеколona дополнял щегольской облик. Похоже, Сергей Сергеевич был чуть ли не единственным из гостей, кто искренне обрадовался знакомству.

Генрих остался беседовать с князем, а Екатерина, познакомившись со всеми, присела в кресло, стоявшее в углу. Она порадовалась, что вечер близок к завершению и ей не придется слишком долго терпеть косые взгляды.

- Бокал вина? - предложил старый барон, подойдя к девушке.

- Благодарю, нет.

- Тогда чай. - Александр Львович, подозвал лакея, и, проследив, что тот понял указания, удалился от Екатерины.

Она оставалась одна недолго. Лакей скоро принес чай, а подоспевший Генрих, взяв чашку, галантно передал ее Екатерине и, наклонившись, тихо и доверительно произнес:

- Перестаньте смущаться. Вы же Несвицкая! Выше голову и больше надменности... Берите пример с Розенфельдов. У них родословная покороче вашей будет. И не обращайтесь внимания на Эвелину Карловну - думаю, у нее весьма смутное представление о хороших манерах и оно распространяется только на избранных. Ну же, приободритесь!

Екатерина попыталась возразить, но он продолжил:

- Не сомневайтесь, вы прекрасно выглядите. Вы бриллиант, который не нуждается ни в какой оправе! Екатерина покраснела и потупила взор:

- Вы никак не можете обойтись без иронии, комплиментов и лести?

- Я вам не льщу, поверьте...

Генрих уселся на подлокотник ее кресла. (Все семейство Розенфельдов снова с недоумением повернули головы в их сторону, явно осуждая такую

фривольность.)

- Вы действительно не хотите вина? – предупредительно поинтересовался он, недопустимо близко наклоняясь к ее уху и почти касаясь его губами.

- Тогда ваши гости подумают, что гувернантка еще и пьяница, – не удержалась от улыбки девушка.

- Ну вот, вы уже начали шутить, это хорошо...

- Мне кажется, вы должны были бы сейчас развлекать разговорами девицу Розенфельд. Похоже, она скучает, – съязвила Екатерина.

- На сегодня я уделил ей достаточно внимания: пригласил на вальс, сказал пару любезностей и поговорил о погоде... Я приложил для этого все свои силы и даже больше. К тому же у нас мало общих тем для беседы – я плохо разбираюсь в тонкостях дамских туалетов и еще хуже знаю свежие светские сплетни. А так как этот званый ужин – идея моего отца, пусть он ее и развлекает...

- А вы не слишком резко судите об Эвелине Карловне? – иронично полюбопытствовала девушка.

- Если вы так переживаете за нее, можете сами потешить Эвелину Карловну интеллектуальным диалогом, – парировал Генрих и обворожительно улыбнулся.

Мадам Розенфельд, наконец, удалось исполнить арию Эльзы. Она пела весьма энергично и в целом неплохо. Страусовые перья бодро вздрагивали каждый раз, когда Аманда Петровна брала высокую ноту. Однако внешне мадам Розенфельд скорее походила на грозную Валькирию, чем на трепетную Эльзу.

Гости одобрительно аплодировали, в тайне надеясь, что супруга банкира ограничится одной арией. Но их надежды не оправдались – она исполнила еще два произведения Вагнера, которого так горячо любила, считая себя истинной немкой.

Генрих снова наклонился к Екатерине и вкрадчиво произнес:

– Посмотрите, князь Апухтин сейчас испепелит меня взглядом. Думаю, он хочет сказать вам пару комплиментов, а я ему мешаю, занимая место рядом с вами. – Барон выпрямился и обратился к приятелю: – Сергей Сергеевич, можно вас? Мы говорили с Екатериной Павловной о живописи, и она заинтересовалась вашей коллекцией морских пейзажей...

Князь подошел, изогнулся в поклоне, и еще раз с чувством поцеловал руку девушке:

– Как жаль, что мы не были знакомы раньше! Вы, очевидно, прятались каждый раз, когда я приезжал в поместье. Я такой страшный?

Екатерина снова покраснела, но быстро справилась с собой и непринужденно и искренне улыбнулась ему в ответ.

– Нет, конечно же нет. Но я очень занята воспитанием Андрюши. Мне некогда общаться с гостями господина барона.

– Но это же поправимо, не так ли, Генрих?

– Безусловно. А теперь я передаю вас, Екатерина Павловна, в надежные руки. Мой друг – интересный собеседник и просто прекрасный человек, – доверительно сообщил Генрих, деликатно отходя в сторону. – Но будьте осторожны, князь может до смерти заболтать вас, рассказывая о своем собрании картин и редких гравюр.

Екатерина приободрилась. Раз Генрих знакомит ее со своим другом, значит, сам к ней никакого пристрастия не питает. Ей не нужно, чтобы ее обхаживал мужчина с такой сомнительной репутацией.

Князь с энтузиазмом заговорил о своей коллекции. Екатерина слушала его с неподдельным увлечением.

Краем глаза девушка заметила, что Александру Львовичу и правда пришлось развлекать разговором Эвелину. Он интересовался ее поездками за границу, хотел знать мнение о модных постановках, вернисажах, книгах, и еще о чем угодно, только бы она не чувствовала себя обделенной вниманием.

Генрих тем временем подсел к семье Кудрявцевых, и они стали довольно шумно обсуждать планы на ближайшие пикники и охоты, которые так любили устраивать для друзей эти милые люди. Госпожа Кудрявцева и ее дочь всеми силами пытались уговорить Генриха играть в их домашних спектаклях. Из него получился бы отличный герой-любовник. Генрих категорически не соглашался, ссылаясь на полное отсутствие таланта и свободного времени.

Екатерина несколько раз поймала на себе сердитый взгляд Эвелины – видимо, ее раздражало не только само неуместное присутствие нищей гувернантки, но и то, как она естественно и раскрепощенно ведет себя с князем.

Но девушку это уже мало волновало, она совсем освоилась и чувствовала себя прекрасно рядом с интересным собеседником.

Князь переключился со своей коллекции на Екатерину. Он мило шутил и сыпал замысловатыми комплиментами.

Сергей Сергеевич клялся положить к ее ногам весь мир, если только она этого пожелает. Он мог бы достать для нее звезды с неба и свить из них венки, чтобы украсить ее гордую голову. А может, она желала бы луну? Он готов был хоть сейчас отправиться за ней, но Екатерина Павловна за это должна была позволить ему еще раз поцеловать ее руку.

Девушка держалась с князем легко и непринужденно, будто они были знакомы сто лет. Она весело смеялась над его невинными каламбурами и шутками, и не заметила, как быстро пролетело время.

Густая ночь плотно окутала поместье. Гости начали разъезжаться. Первыми уехали Кудрявцевы. Банкир с женой и дочерью тоже стали прощаться. Последовали взаимные приглашения, очередные комплименты и уверения в сердечной дружбе. Наконец поместье покинули и Розенфельды.

Екатерина видела, что старый барон недоволен, и догадалась, что причиной этого был Генрих.

– Не смей ничего говорить! – резко бросил он сыну, не заботясь о том, слышат их или нет. – Вопрос о твоей женитьбе на Эвелине остается открытым!

Генрих молча поклонился, картинно изобразив показную покорность.

Князь Апухтин долго прощался, пригласил фон Бергов к себе в поместье на охоту, не забыв упомянуть и Екатерину Павловну в числе приглашенных. Он в последний раз прочувственно поцеловал ей руку и удалился, напевая себе под нос что-то веселое из модной оперетки.

Наконец особняк погрузился в сонную тишину.

– Екатерина Павловна, вы согласились уделить мне завтра время, – вполголоса почтительно напомнил Генрих, когда она уже поднималась к себе в комнаты.

Она оглянулась и кивнула:

– Помню. Когда вам будет угодно.

– Прекрасно. Тогда ближе к обеду... До завтра и спокойной ночи!

– Спокойной ночи, – тихим эхом ответила девушка.

День уходил во вчера. Часы в гостиной гулко пробили полночь. Наступающий день не обещал быть простым.

Глава 6

Екатерина всегда вставала рано. Это входило в ее обязанности – она готовила необходимые книги и тетради для утренних занятий с Андрюшей, проверяла, как прислуга убрала учебную комнату, все ли на месте. Даже в свои выходные она продолжала следовать давней привычке.

Но этим воскресным утром она проснулась позже обычного и ей совсем не хотелось подниматься. Яркие скользящие лучи летнего солнца пробивались через кисейные занавески и ровными янтарными бликами ложились на паркетный пол.

Девушка еще немного понежилась в постели. Вчерашний вечер оставил приятное воспоминание, несмотря на не очень удачное начало и ее повседневный, не соответствующий случаю, туалет.

Какой деликатный человек князь Апухтин, утонченный ценитель живописи. Веселый и галантный кавалер. Он умеет сказать изысканный комплимент, но это получается у него забавно и искренне. С ним так легко и приятно беседовать. Его не смутило, что Екатерина всего-навсего гувернантка в доме барона.

Эвелину Розенфельд от этого откровенно покорило... Какое разное отношение, а ведь оба представители благородных дворянских родов.

И Генрих Александрович ее очень поддержал и ободрил. Он, конечно, ветреник, но, по крайней мере, не сноб, как банкир и его семейство. С Екатериной он ведет себя почтительно, а его личная жизнь ее совсем не касается и не интересует. Какое ей дело до этого холодного аристократа – они лишь знакомые, ничего более.

Если он сможет помочь с работой, она будет сердечно ему признательна, и только. Вряд ли Генрих Александрович захочет получить от нее что-то большее... После своих роскошных любовниц он не обратит внимание на простую гувернантку.

И это для нее очень хорошо. Она слишком дорожит своей репутацией. Ведь это практически все, что у нее есть. Она не станет рисковать ею и попадать в сомнительные ситуации с богатыми повесами.

Екатерина была очень благодарна старому барону, что он пригласил ее на вечер. Она чудесно провела время. Александр Львович такой милый и внимательный. Ее благодетель. Где бы она была сейчас без него? Вышла бы замуж за Алексея без любви и мучила себя и его?

Все-таки, какие замечательные люди ее окружают! На душе у девушки было светло и радостно. Ей хотелось раскинуть руки, запрокинуть голову и закружиться по комнате в танце. Но она не стала этого делать – ребячество, давно пора повзрослеть. Однако девушка снова и снова с удовольствием вспоминала прошедший прием.

Вчерашний званый ужин совсем не походил на балы, на которых Екатерина присутствовала, будучи еще институткой. И он ей очень понравился, несмотря на косые взгляды некоторых гостей. Наверное, все зависит от тех, кто находятся рядом. Можно превосходно чувствовать себя в скромном платье среди знатных особ, если ощущаешь поддержку хорошего человека...

Но скоро она покинет дом барона, будет учиться и работать. Так что, видимо, это ее последний выход в свет, если так вообще можно назвать вчерашний вечер. Вряд ли у нее будет свободное время и лишние деньги на такое праздное времяпровождение. Да и неизвестно, попадет ли она еще когда-нибудь в высшее общество, тем более что туда и не стремится.

Екатерина спустилась в столовую, чтобы выпить кофе и позавтракать. Не успела она взять себе чашку, как вошла горничная с огромным букетом белоснежных роз:

– Екатерина Павловна, это вам сегодня рано-ранехонько доставили.

Розы были свежи и источали нежное благоухание. Капельки росы блестели на их упругих лепестках.

– Мне? От кого? – Екатерина увидела визитку в букете и прочитала: «Князь Апухтин Сергей Сергеевич», а на обороте: «Уважаемой Екатерине Павловне с поклоном и пожеланием доброго утра от ее верного слуги и преданного друга. P.S. Луну и звезды пришлю чуть позже...» Девушка удивленно и радостно улыбнулась – это была приятная неожиданность.

«Как мило! – подумала Екатерина, поднося прохладный букет к лицу и вдыхая дурманящий аромат. – Прекрасные цветы... Хотя все это пустое, надо беспокоиться о поступлении в Университет, а не витать в облаках». Но такое внимание князя не могло не льстить.

– Аннушка, пожалуйста, отнеси цветы ко мне в комнату и поставь в вазу. – Она передала букет горничной и налила себе крепкий душистый кофе. Толика сливок смягчила изысканную горечь напитка.

Екатерина вышла на веранду. Держа кончиками изящных пальцев маленькую фарфоровую чашку и блюдце, она с удовольствием небольшими глоточками

пила кофе и смотрела в утреннюю туманную даль. День начинался замечательно, и ничто не в силах было его испортить.

Ближе к полудню пришел Генрих и предложил пройтись по парку, так как не хотел, чтобы им помешали. Высокие вековые липы делали аллею сумрачной и загадочной даже в солнечный день. Летний ветер тихо шумел в кронах, а тонкий сладкий запах цветущих деревьев наполнял воздух.

По бокам темной аллеи белели мраморные античные статуи, привезенные из Италии и Греции несколькими поколениями фон Бергов.

Генрих и Екатерина шли молча. Тропинка повернула к оврагу, и они вышли на залитый солнцем свежескошенный луг. Екатерина вдыхала аромат разнотравья и наслаждалась тишиной. Они подошли к ротонде на краю обрыва.

Девушка села на скамейку, Генрих закурил и остался стоять. Некоторое время он молчал, видимо, собираясь с мыслями. Затем раздраженно бросил сигару и повернулся к Екатерине. Он заговорил негромко и располагающе:

– Екатерина Павловна, я хочу предложить вам несколько необычную сделку. Вы видели вчера Розенфельдов. Мой отец ведет дела с Карлом Оттовичем. Можно сказать, что недавно они стали постоянными партнерами. Вы видели Эвелину Карловну – очень высокомерная и надменная особа, как вы сами могли убедиться. Не люблю плохо отзываться о женщинах, но, увы, это – сущая правда. Розенфельда посетила идея объединить капиталы наших семей через мою женитьбу на Эвелине, – барон говорил, взвешивая каждое слово, но постепенно начал давать волю чувствам, и голос его приобрел решительность и страстность. – Для меня это неприемлемо. Даже если отец лишит меня наследства, я на ней не женюсь. Никогда. Но мне не хотелось бы испортить отношения с отцом и проститься с привычным образом жизни.

На лице Екатерины отразилось недоумение:

– Чем же я вам могу помочь?

– А вот теперь не перебивайте и спокойно послушайте, – Генрих говорил твердо, но в его тоне Екатерина уловила напряженные ноты, и это насторожило ее. – Отец позволил мне обдумать ответ Розенфельду до сегодняшнего вечера. Я

планирую сказать ему, что уже обручен и не могу нарушить слово, данное девушке. И этой девушкой будете вы.

Увидев, как округляются и без того большие глаза Екатерины, он повысил голос:

– Не перебивайте! Все чисто формально. Отец через неделю уезжает с ревизией по отдаленным заводам на несколько месяцев. Как только он уедет, вы расторгнете помолвку со мной по собственной инициативе, так как я эгоист, мот, циник или кто вам угодно. Ваша репутация не пострадает. Я выиграю время, а по возвращении отец, я уверен, передумает меня женить. Ну а Розенфельд найдет другую сакральную жертву для своей драгоценной дочери. За это я оплачу ваше обучение в Университете и найму для вас хорошую квартиру. Конечно же, никто об этом ничего не будет знать. Вы сможете заниматься только учебой, а по окончании курсов я обеспечу вам место помощницы лекаря или провизора в больнице при заводе.

– Вы с ума сошли! – Екатерина не знала, то ли возмущаться, то ли смеяться от такого безумного предложения. – Это... Это... Я даже не знаю как это называется! Глупость! Бред! Я не могу обманывать вашего отца, так нельзя! Нет, нет, нет! Это совершенно для меня неприемлемо! – она была категорична и сердито тряхнула головой.

– Успокойтесь и подумайте, чем вы рискуете? Об этой якобы помолвке будет знать только мой отец. Я попрошу его до времени сохранить это в тайне, уверен, он поймет. Ваше имя он не откроет и Розенфельду, тем более что после вчерашнего визита отец наверняка и сам желает отделаться от этого «благородного» семейства. Но ему надо соблюсти приличия. Вина в несостоявшейся помолвке с Эвелиной ляжет на меня – отец не знал, что у меня уже есть невеста. То, что я выбрал именно вас, будет выглядеть вполне естественно – невозможно не заметить ваших душевных качеств, – Генрих говорил убежденно. Его мягкий голос завораживал и внушал доверие.

– Но что обо мне будет думать Александр Львович?! Что я за его спиной решила удачно выйти замуж и стать баронессой фон Берг?

– Он будет думать, что вы поддались моему обаянию, пошли на поводу у его легкомысленного сына и опрометчиво назвали меня своим избранником. Он все спишет на вашу наивность и доверчивость. При любом раскладе виноватым

окажусь я – негодяй и ловелас. Через месяц или даже раньше вы поймете, что ошиблись во мне, и разорвете нашу помолвку. Все могут ошибаться, особенно неопытная девушка. Я напишу отцу, он примет вашу сторону, не сомневаюсь. И поймет ваше желание расстаться со мной. Я получу свободу, а вы – образование, о котором так мечтаете, ну и, возможно, пару неприятных минут общения с моим отцом, когда он узнает о помолвке. Но я буду рядом и сумею принять на себя его гнев, хотя уверен, сильно браниться он не будет. – Генрих умел быть убедительным, когда хотел. Его план казался довольно невинным и безобидным.

– Но все равно это будет подлый обман. Александр Львович помог мне окончить Институт, дал кров и работу... Он мне доверяет... Все это будет очень непорядочно с моей стороны. Ваш отец так добр ко мне... – она колебалась. Но предложение было невероятно заманчивым.

– Да, мой отец уважает и ценит вас. И я тоже. Но что плохого вы делаете? Помогаете и мне и ему избавиться от навязчивого семейства Розенфельдов.

– И когда надо ответить? – она была не уверена и все еще продолжала сомневаться.

Но Екатерина чувствовала, что уже почти готова поддаться уговорам. Тогда Генрих применил все обаяние, на которое был способен, умоляюще сложил ладони и заглянул ей в глаза:

– Сегодня до вечера я должен дать ответ отцу. Я откажусь от женитьбы, он лишит меня наследства и средств к существованию. Я пойду по миру с сумой и умру с голоду где-нибудь по дороге на каторгу, так как ограблю булочника! Помогите... Прошу вас, будьте милосердны, спасите меня от нищеты! Моя судьба в ваших руках!

– Вы даже сейчас не можете не шутить и не дурачиться! – Екатерина невольно улыбнулась, и это разрядило напряженную обстановку.

– А что мне остается? – Генрих стал серьезным. – Конечно, я не стану нищим, я и ныне много работаю. Со своим образованием и опытом я смогу жить безбедно и без поддержки отца. Но отношения с ним будут испорчены надолго, если не навсегда. И это меня тяготит, – было заметно, что он и правда дорожит добрыми отношениями с отцом. – Да, и еще... Если отец все же не признает нашу

помолвку, я, естественно, в этом случае также выполню свое обещание и оплачу ваше обучение и квартиру. Ну и компенсирую моральный ущерб, если это потребуется.

- Дайте мне подумать немного одной. Теперь уходите и возвращайтесь сюда через час, - девушка хотела еще раз взвесить все «за» и «против» без давления на нее Генриха. Она уже поняла, как аргументированно он может убеждать.

Еще вчера она говорила Алексею, что сама в состоянии разобраться, что хорошо и что плохо, и сама будет решать, что ей делать. Как же на самом деле это оказалось непросто...

Генрих ушел, а Екатерина осталась в полном смятении размышлять о странном договоре, который ей предложили. Если она примет план Генриха, то сможет осуществить заветную мечту. Ведь своих денег ей, скорее всего, просто не хватит, и не известно, получится ли у нее заработать недостающую сумму.

Плюсов в принятии было много, о них можно не волноваться. А минусы? Обман, презрение барона. А почему презрение? Она же не любовница Генриха, а наивная девушка, поддавшаяся его очарованию и согласившаяся стать его законной женой. И через месяц она вернет Генриху его слово, старший фон Берг это поймет. Ложь - это, конечно, плохо. Но образование того стоит. Даже если старый барон укажет ей на дверь... (О, это будет поистине ужасно, но пережить можно, и пока лучше просто не думать об этом...). Она и так покинет поместье через месяц или полтора. Генрих обещал при любом раскладе оплатить ей обучение и помочь с работой.

Конечно, она много нелестного слышала о наследнике барона, он легкомысленный щеголь. Но он человек слова, в этом она не сомневалась ни секунды. Да и сумма на ее обучение для Генриха - капля в море. Наверняка денег на свои похождения он тратит во много раз больше, чем решил пожертвовать на авантюру с помолвкой.

Екатерина поняла, что уговаривает себя дать согласие на это безумие. Она уже не видела никаких страшных последствий. Ну максимум, ее обвинят в желании удачно выйти замуж. Так большинство девушек к этому стремится. Даже Эвелина.

Она решилась. Безбедное существование во время учебы и исполнение мечты, перспектива интересной работы и независимое положение в будущем перевесили доводы против.

Девушка глубоко вздохнула и посмотрела за реку, где простирались бесконечные степи. Она будет свободна, как летящий над ними сокол. В детстве ей хотелось быть птицей – легкой и красивой, скользящей в лазурной вышине. До воплощения ее чаяний остался всего один шаг. Она будет самостоятельна и счастлива.

Как же легко ей удалось себя убедить... Она сорвала крупный цветок розового шиповника, росшего у беседки и тянувшегося вверх, вдоль колонны. Вдохнула его тонкий аромат, а потом прикрепила к корсажу платья – ей нравились цветы. Она уколола палец об острые шипы, и смутная тревога молнией пронеслась в ее душе. Но она не поняла, что бы это могло значить, и закрыла глаза на странное предчувствие.

Когда вернулся Генрих, Екатерина сказала, что согласна на его аферу. А как это еще назвать?

– Вы не представляете, как я вам благодарен, – молодой барон с жаром поцеловал ей руку. Впервые. – Все будет хорошо, доверьтесь мне...

И она доверилась.

Глава 7

Екатерина ушла, а Генрих остался в беседке, чтобы еще раз продумать, что и как говорить отцу. Он закурил, но тут же с досадой загасил сигару – давно пора оставить эту вредную привычку! Смутные сомнения шевелились где-то в дальних закоулках его ледяной души. Стоит ли вообще все это затевать? Ради чего столько усилий?

Может, просто сказать отцу, что он никогда не женится на Эвелине. И будь что будет. Даже если отец выгонит его из дома и лишит наследства, нищим он все

равно не станет. Будет меньше появляться в свете. Возможно, Полина его бросит. Но все это вполне можно пережить.

С другой стороны, менять привычный образ жизни Генриху очень не хотелось. Все-таки Полина чертовски хороша, второй такой нет... И без балов и театров тоже делается тоскливо. Нельзя же все время только работать.

Фон Берг снова задумчиво прошелся по беседке и сорвал крупный цветок махрового шиповника, обвившего мраморную колонну. Вдохнул его сладковатый аромат и почему-то подумал о Екатерине.

Наивная девушка, которая должна стать орудием в его эгоистичном замысле. Он использует ее и заплатит ей, как платят продажным женщинам. И не важно, какие услуги они оказывают. В этом было что-то неправильное, подлое и мелкое. Но он решительно отогнал от себя мысли, которые могли остановить его и помешать в выполнении задуманного плана.

Генрих смял цветок и рассыпал лепестки. Они дождем упали к его ногам, и их вид вызвал в нем странное легкое сожаление.

Да-а, можно легко морочить голову даме или девице, пылко объясняясь ей в любви. Нетрудно сказать: «Вы прелестны, как утренняя роза! Кстати, у меня в спальне висит прекрасное полотно неизвестного живописца "Амур, собирающий розы в саду короля Генриха Французского для Дианы де Пуатье". Не желаете взглянуть?» Все просто и понятно, он – Генрих – безумно влюблен, а дама может сама решать, хочет она стать на некоторое время Дианой де Пуатье или нет. «Да» – отлично, все довольны. «Нет» – ну, воля ваша.

Но объяснить отцу искренность своих чувств, убедить в том, что любовь его сына и Екатерины взаимна и чиста – поистине непростая задача. Генрих влюблялся не раз и не два. Он увлекался, но надолго этого состояния не хватало.

От него начинали требовать невозможного – либо предложения руки и сердца, либо верности навек и постоянных клятв в своей преданности, если дама уже была замужем. И то и другое было для Генриха неприемлемо. Надо отдать должное: молодой аристократ никогда не обманывал своих возлюбленных – кроме денег он ничего им не обещал и не изменял, пока они были вместе.

Когда одна дама сердца ему надоедала или становилась навязчивой, он рвал с ней все отношения и искал другую избранницу. Иметь сразу несколько любовниц Генрих считал непорядочным – у него были своеобразные представления о морали. Девочки мадам Лулу в счет, естественно, не шли.

Со своей нынешней пассией он не расставался уже три года только потому, что она не устраивала сцен ревности, не закатывала истерик и не настаивала на оформлении отношений. Ее пока вполне удовлетворяло непомерно высокое содержание, получаемое от фон Берга.

Они оба были амбициозны, эгоистичны, любили роскошь, и это их сближало. Графиня Полина Рокотова молода и красива, с ней не стыдно появиться в обществе. К тому же она вдова, и их свободные отношения никого сильно не шокируют. По правде сказать, Генриха вообще никогда не волновало мнение о нем окружающих.

Но теперь надо было притвориться пылко влюбленным в невинную девушку. Как это должно выглядеть, Генрих знал весьма приблизительно. Но придется постараться – чтобы после многочисленных бурных романов, его готовность жениться на Екатерине не показалась отцу абсурдной. Ведь раньше его наследника не посещало безумное желание свить семейное гнездо...

Мысленно Генрих еще раз прокрутил в голове все фразы, которые придумал, и пожалел, что никогда не принимал участие в домашних спектаклях помещика Кудрявцева. Однако все получалось довольно складно и убедительно. «Главное, побольше искренности в словах и смирения во взоре. Ну что ж, пора действовать!» – новоявленный аферист решил, что вполне готов к важному разговору.

Он не стал ждать вечера, а сразу пошел к отцу. Тот встретил его на веранде. Борзая вилась у ног барона, но радостно бросилась навстречу Генриху. Она преданно виляла хвостом и ластилась к молодому хозяину. Старый барон был хмур и задумчив. Они прошли в кабинет, и теперь уже Генрих плотно закрыл двери.

– Ну что, принял решение? – строго спросил барон сына.

– Вы по-прежнему хотите моей женитьбы на Эвелине? – Генрих еще питал слабую надежду, что отец передумал.

– Я задал вопрос, отвечай, – барон был сердит.

– Нет, я не могу жениться на девице Розенфельд, и на это есть причина. – Генрих ласково потрепал по загривку собаку.

– Какая, позволь у тебя узнать? – отец раздражался все больше и больше.

– Я обручен, – Генрих мило и невинно улыбнулся.

– Что?! – взревел барон. – Что за чушь?! С кем, когда?!

– Отец, выслушайте, прошу, а потом решайте, как поступить со мной и моей избранницей, – смиренно попросил сын, склонив голову в знак полнейшей покорности.

– Только не говори, что это твоя распутная любовница, Полина, или как ее там! Я не только лишу тебя наследства, но и прокляну!

– Нет, конечно, нет. Мы уже давно расстались, – Генрих начал лгать и понял, что может запутаться и потерять контроль над тщательно продуманным планом. – Прошу вас, не гневайтесь и выслушайте! Это очень достойная девушка – юная и чистая. Но она бедна, хотя и знатного рода. И крайне стыдится своей бедности. Вы ее знаете... – Генрих решил выдержать паузу и посмотреть на реакцию отца. Тот пока не понял, о ком речь. – Это Екатерина Павловна. Мы очень любим друг друга, – добавил он несколько поспешно.

– Ты, никчемный, бесполезный, беспринципный негодяй! – закричал барон, гневно сверкнув глазами. – Как ты мог воспользоваться ее наивностью! Да ты понятия не имеешь, что такое любовь! Ты заморочил бедной девочке голову! Бедняжка! Она влюбилась в эгоиста и распутника! Как, как ты мог?! В моем доме ты плел вокруг неискушенной девушки паутину лести и лжи, говорил ей красивые и пустые слова. Для нее будет ударом, когда она поймет, как ошиблась в тебе!

– Отец, я виноват. Да, я негодяй и распутник. Но Екатерина поняла и приняла меня таким, какой я есть. Она знает все мои недостатки и пороки. Я без утайки рассказал ей об ошибках моей молодости и пообещал измениться ради нашей любви. Поверьте, полюбив ее, я стал по-другому смотреть на мир. Она в меня верит и поможет мне стать лучше! Любовь преображает людей, радикально меняет их. И это сейчас происходит со мной. Не лишайте меня последней надежды, а ее первой любви!

«Что я несу?! – подумал Генрих. – Главное, не переигрывать».

Неожиданно барон успокоился. Так могло, по крайней мере, показаться.

– Я знал, что ты холодный эгоист, но не думал, что до такой степени. Я поговорю с Екатериной Павловной, и она поймет, как заблуждалась на твой счет. Я не могу допустить, чтобы бедная девочка из-за тебя потеряла веру в любовь и порядочность.

– Но я действительно люблю ее, умоляю, поверьте! И она меня тоже любит. Я не смогу жить без нее. Я готов выполнить все ваши требования, только позвольте нам быть вместе! – Генрих говорил страстно, в его голосе звучало неподдельное отчаяние.

Барон был, пожалуй, даже приятно удивлен, что его сын способен на глубокие и искренние чувства. Он видел, как сын переживает и несколько смягчил тон:

– Хорошо, я верю тебе, но не могу согласиться на вашу свадьбу. Ты вспыльчив и непостоянен, твоя любовь быстро пройдет, и ты разобьешь наивной девушке сердце. Если ты и вправду любишь, пожертвуй собой ради ее будущего, ради ее душевного спокойствия. Будь благороден и пойми, что ты ей не пара, – барон сочувственно похлопал сына по плечу. – Конечно, она будет страдать некоторое время, но она молода, скоро все забудет и найдет себе достойного мужа. А у тебя останется пусть и грустное, но светлое воспоминание. И я помогу тебе поговорить с ней. Она добрая душа, она простит тебя. Пока не поздно, объяснись с ней.

Генрих понял, что все рушится и решил идти до конца:

– Поздно, она ждет от меня ребенка...

Генрих испугался, что отца хватит удар. Барон побагровел и упал в кресло. Генрих быстро подал ему стакан воды. Тот машинально выпил. Прошло несколько минут, прежде чем старый барон смог говорить. Он с силой поставил стакан на стол, и хрусталь тихонько и жалобно зазвенел. Барон метнул гневный взгляд на сына:

– Ты в моем доме совратил невинную девушку! Чудовищно! Гадко! Какой же ты развратник и подлец! Какой позор для нашей семьи! И ты смеешь говорить о любви?! Что общего в твоих плотских утехах с высоким чувством?! Ты обольстил чистую, наивную и доверчивую девочку. Мерзавец! Мерзавец и бессердечный ловелас! Я должен был бы тебя проклясть и с позором навсегда изгнать из дома. Но бедная девочка не виновата... Бедная, глупая и обещанная... – барон опять замолчал, собираясь с силами и горестно качая головой. Он встал и вплотную подошел к сыну. В отцовском взгляде читались презрение и злость.

– Отец, позвольте сказать... – Генрих понял, что отступать поздно и продолжил смиренно умолять. – Она очень боится вашего гнева, я обещал, что смогу умолить вас. Простите меня, простите и дайте шанс все исправить. Поверьте в меня, как верит в меня Екатерина. Я буду ей примерным мужем, она никогда не пожалеет об этом. И должен же быть у ее ребенка законный отец! – последний аргумент он произнес с жаром и пафосом.

– Возможно, она и правда сумеет тебя перевоспитать... Как я не заметил твои развратные поползновения раньше? – продолжал сокрушаться барон, нервно меряя комнату тяжелыми шагами. – Надо было тебя вовремя остановить. Да-а...То-то она вчера не пила вина... И сколько уже?..

– Мало. Чуть больше месяца, – Генрих судорожно соображал, где он был месяц назад.

– Так или иначе, делать нечего. Надо поспешить со свадьбой. Сделаем это до моего отъезда, скромно и без шума.

– Меньше чем за неделю? Так скоропалительно? Это вызовет пересуды в обществе и скомпрометирует Екатерину, – Генрих усердно показывал, как он трогательно заботится о своей избраннице. – Вы уедете, а мы через некоторое время спокойно обвенчаемся, не делая из этого секрета, но и без подозрительной спешки. Мы с Екатериной думаем, что не стоит объявлять о

помолвке во всеуслышание. Это наше личное дело. Вот сыграем свадьбу, тогда все и узнают...

- Ты хоть осознаешь, какой ты негодяй? – барон был все еще очень сердит.

- Да, отец... – смирению и раскаянию Генриха не было предела.

- И как тебе повезло с невестой? – голос отца заметно потеплел. Видимо, он подумал о девушке.

- Да, отец, безусловно, и я счастлив... Благодарю вас, вы не пожалеете, что предпочли ее Эвелине.

- А вот это правда, – барон потихоньку начал приходить в себя. – Если бы не это... – барон замялся, – скажем так, обстоятельство, тебе пришлось бы сделаться зятем Розенфельда. Что ж, я согласен на вашу помолвку. Нельзя оставить несчастную девушку в такой беде.

Генрих с чувством поцеловал отцу руку:

- Батюшка, вы осчастливили меня и Екатерину! Благодарю вас от всего сердца! Отец, позвольте мне подготовить Катю к этому радостному событию. Она очень боялась вашего гнева. Пожалуйста, не заостряйте внимания на ее положении, она слишком смущается, – Генрих в очередной раз подчеркнул свою заботливость.

- Ты вздумал учить меня деликатности! – прикрикнул на сына барон, сердито сверкнув глазами.

- Нет-нет, что вы, просто я беспокоюсь за Екатерину.

Генрих вышел в коридор и перевел дух. План удался, помолвки с Эвелиной не будет, и наследства его не лишили. Все сложилось почти удачно. Почти...

Осталось объявить Екатерине, что она ждет от него ребенка. Вот здесь могли возникнуть проблемы. Екатерина, с ее гордостью и честностью, вряд ли смиритса со своим «положением».

А если отец узнает о чудовищной лжи Генриха, неизвестно, чем это закончится, но однозначно ничем хорошим. Генрих решил увеличить сумму вознаграждения, но понимал, что негодование девушки, скорее всего, не будет иметь границ и гнев ее будет страшен. Как его смягчить, Генрих пока не знал.

«Надеюсь, она не впадет в истерику... – озабоченно думал Генрих. Женские слезы он терпеть не мог. – Нет, она сильная и гордая, плакать не станет. Она меня просто убьет!»

Глава 8

Оттягивать разговор с Екатериной было бессмысленно. До вечера желательно все закончить. Генрих пошел искать девушку, стараясь не думать о том, что его вскорости ждет.

Совесть редко мучила молодого повесу. Он вообще не мог вспомнить, когда это было в последний раз. Пожалуй, в детстве, когда он подложил жабу в сумочку графини Вороновой. Она тогда едва не умерла от испуга и громко визжала, забравшись с ногами на кресло, а шалуну было очень стыдно. Папенька сначала смеялся, но потом разгневался. Мальчика на неделю лишили сладкого, и он жестоко страдал.

Детские впечатления самые яркие. Видимо, именно поэтому наследник оружейной империи очень любил сладости и даже кофе пил с сахаром.

Но теперь сомнения закрались в его душу, и что-то давно забытое начинало исподволь терзать его и глодать изнутри.

Он так легко оклеветал невинную девушку в глазах отца. Назвал ее своей любовницей. И все ради того, чтобы сохранить привычный образ жизни. Безусловно, он с лихвой компенсирует все причиненные ей неудобства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/gerrer_mariya/navazhdenie-kniga_1-navazhdenie-i-blagorodstvo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)